

ДЭВИД
ЛЕВИТАН

РЭЙЧЕЛ
КОН

БЕСКОНЕЧНЫЙ
ПЛЕЙ-ЛИСТ
НИКА
и
НОРЫ

МУЗЫКА — ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ БЫВШИХ

**Рэйчел Кон
Дэвид Левитан
Бесконечный плей-
лист Ника и Норы**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50529654

Бесконечный плей-лист Ника и Норы: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-109362-4

Аннотация

Ника только что бросила девушка. Забыть бывшую возлюбленную оказалось не так легко, поэтому Ник пытается вернуть ее. Он пишет для Трис песни, но той никогда особо не нравилась его рок-музыка.

Однажды после концерта в клубе Ник случайно сталкивается с Трис и ее новым парнем. Почувствовав себя уязвленным, Ник бросается к первой встречной с просьбой притвориться его девушкой на пять минут. Этой девушкой оказывается Нора, которая пришла в клуб, чтобы найти свою подругу и отвезти домой.

Ник и Нора даже не догадывались, что с этого неожиданного знакомства начнется череда невероятных встреч и приключений.

Содержание

Плей-лист благодарностей	5
1. Ник	7
2. Нора	17
3. Ник	30
4. Нора	39
5. Ник	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дэвид Левитан, Рэйчел Кон Бесконечный плей- лист Ника и Норы

Посвящается Марте и настоящему Нику

NICK & NORAH'S INFINITE PLAYLIST

by Rachel Cohn, David Levithan

Copyright © 2006 by Rachel Cohn and David Levithan

© Карманова Мария, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2020

Плей-лист благодарностей

1. Тина Тернер – «The Best» (для Дженнифер Рудольф Уолш, Лизы Грубка и Кэти Глик)
2. Рэй Чарльз – «You Are My Sunshine» (для Алисии Гордон и Бари Зибрака)
3. Люсинда Уильямс – «2 Kool 2 B 4-Gottern» (для Лорен Скафариа)
4. Bell & Sebastian – «Wrapped Up in Books» (для Джека Мартина)
5. Принс – «Nothing Compares 2 U» (для Джо Монти)
6. Элвис Костелло – «Alison» (для Элисон Уортхе)
7. The Cure – «Pictures of You» (для Мелиссы Нельсон и Изабель Уоррен-Линч)
8. Луи Армстронг – «A Kiss to Build a Dream On» (для всех замечательных людей из издательства «Кнопф»)
9. The Beatles – «Paperback Writer» (для наших дорогих друзей-писателей)
10. Джули Эндрюс – «The Sound of Music» (для наших любящих родных)
11. Rufus w/ Chaka Clan – «You Got the Lose» (для Стефани и Эла)
12. Кайли Миноуг – «Can't Get You Out of My Head» (для Билли и Николичиуса)
13. Йенс Лекман – «You Are the Light (By Which I Travel

into This and That)» (для Ника)

14. Келли Кларксон – «Miss Independent» (для Анны)

15. Q and Not U – «Wonderful People» (для Марты)

16. The Magnetic Fields – «How Fucking Romantic» (для Нэнси)

1. Ник

День начинается вечером. Для меня не существует ничего, кроме бас-гитары в руках и грохота в ушах. Дэв орет, Том размахивает руками как бешеный, а я – точен, как часовой механизм. Это я беру штуку, которая называется «музыка», и выстраиваю ее вдоль линии, которая называется «время». Я – ритм метронома, я – пульс, на мне в этот момент держится все. У нас нет барабанщика. Дэв скинул рубашку, Том раскачивается в такт движениям толпы. А я – у них за спиной, я – генератор. Я слушаю и не слушаю одновременно, потому что музыку, которую играю, я воспринимаю не умом – я чувствую ее всем телом. Все взгляды обращены на нас. Или, по крайней мере, так я все себе представляю – свет на сцене слепит глаза. Зал очень маленький, мы звучим ужасно громко, а я – басист-натурал, играющий в квиркор-группе, – стремлюсь заполнить все пространство вокруг звуками аккомпанемента, пока Дэв не то поет, не то орет: «Трахнуть мужика / Трахнуть мужика / Как же я хочу / Трахнуть мужика». Я задаю ритм, я бью по струнам, я сотрясаю воздух всем телом, а мои пальцы четко держат аккорды. Я источаю пот, порочность и голод. Это освобождение – а может, лишь мольба о нем. Теперь Дэв завывает, а Том мечется, и, хотя мои ноги не двигаются с места, меня несет вперед. За стеной слепящего света люди раскачиваются, прыгают, наблюдают

за тем, как Дэв засовывает в рот микрофон, не переставая выкрикивать слова. Я швыряю в них аккорды, я топлю их в своей музыке, я заставляю время звучать так громко, чтобы они все его слышали. Я сильнее слов, я больше коробки зала, где мы играем, а потом я вижу в толпе ее – и распадаюсь на части.

Черт, я же говорил ей не приходить. Она старательно отрывала от меня кусок за куском, но я упросил ее оставить хотя бы это. «Пожалуйста, не приходи на концерты. Я не хочу тебя там видеть». Она согласилась, и поначалу это не было ложью. Но в какой-то момент эти слова превратились в ложь, ведь вот же она, здесь, и мои пальцы промахиваются, восторг сходит на нет, внутри меня зреет желание сначала закричать, а потом попросту расплакаться – и все это происходит за несколько мгновений, которых мне хватает, чтобы разглядеть очертания ее губ. А потом я вижу – черт, только не это, – что она не одна, она с каким-то парнем, и хотя сама она сказала бы, что пришла посмотреть на меня, я ни капли не сомневаюсь – она пришла, чтобы я посмотрел на нее. «Все кончено», – говорила она, и разве это не была величайшая в мире ложь? Я спотыкаюсь на каждой ноте, Дэв переходит к следующему куплету, а Том играет немного быстрее, чем следовало бы, так что мне приходится догонять – а она тем временем прислоняется к тому парню и покачивает головой, словно я играю для нее, хотя если бы мог, я бы заглушил все звуки до единого и подарил бы ей столько же тишины,

сколько она принесла мне боли.

Я стараюсь не отставать от Дэва и Тома. Сегодня мы называемся The Fuck Offs, «Отбитые», но это новое название, и думаю, оно продержится еще концерта три, а потом Дэв придумает следующее. Мы уже побывали «Вчерашним порно», «Черными носовыми платками», «Мстительными парикмахерами» и «Не вашим делом». В общем-то, я не пользуюсь своим правом голоса – разве что для того, чтобы накладывать вето на самые тупые идеи Дэва. («Приятель, – пришлось однажды убеждать его, – никто не пойдет на группу под названием «Членоболь».) Дэв всегда не прочь добавить пирсинг и набить татуировку поверх старой. Он умеет найти подход к нематым панкующим мальчишкам, которые приходят на наши концерты, еще не зная, что захотят познакомиться поближе с чуваком, спрашивающим у них в микрофон: «Большой ли у вас хрен вырос на огороде?» Дэв родом из города Лоди, что в Джерси, и, по-моему, это очень ему подходит, ведь Лоди – это же «идол», написанное задом наперед. Том из Саус-Оранжа, и последние два месяца он пишет свое имя через «h» – «Thom». Я из Хобокена – настолько близкого к центру, насколько это вообще возможно, не оказавшись в нем. В такие вечера, как сегодня, когда был шанс, что зрителями окажутся не только наши знакомые, я бы переплывал Гудзон, если было бы нужно, чтобы добраться до этого пещерного клуба. По крайней мере, пока сюда не явилась Трис – и я почувствовал, будто незримо для всех

истекаю кровью на сцене.

«Возьми власть в свои руки / И трахни мужика, / Возьми власть в свои руки / И трахни мужика». Дэв поднимает эту песню до высоты, куда мы еще никогда не добирались: до четвертой минуты. Словно я достиг предела возбуждения и теперь жду, когда оно пойдет на спад. Том, похоже, добрался до кульминации соло – и ему там, как обычно, не слишком уютно. Я переминаюсь на месте, отворачиваюсь от нее, делаю вид, что ее здесь нет – и это самая на хрен смешная шутка, над которой я ухитряюсь не смеяться. Я пытаюсь привлечь внимание Дэва, который держится на краю поля зрения, но он не видит меня, потому что слишком занят – вытирает пот с обнаженной груди. Но вот наконец он ощущает всплеск энергии, достаточно мощный, чтобы сыграть финал. И он с ревом выбрасывает руку вверх, а я, резко нагнувшись, выдаю последний аккорд. В ответ на нас обрушивается оглушительный гул толпы. Я пытаюсь расслышать ее голос, пытаюсь выделить ее высокую ноту среди криков и аплодисментов. Но она потеряна для меня – как в ту ночь, когда я плакал, а она даже не обернулась, чтобы узнать, что со мной. Три недели, два дня и двадцать три часа назад. И она уже с другим.

Следующая группа уже готова выйти на сцену. Хозяин клуба машет нам рукой, показывая, что время вышло. Я не настолько выбит из колеи, чтобы не чувствовать радости, когда толпа требует продолжения, разочарованно гудит, когда

зажигается свет, чтобы всем было проще пробраться к бару. На этом концерте на меня свалили заботу о технике, так что пока Дэв прыгает в толпу в поисках самого впечатлительного поклонника, а Том, покраснев от смущения, отступает к своему приятелю, понимающему-но-эмо, мне приходится немедленно протрезветь, чтобы собрать наши вещички. Переключиться с аккордов на провода, с восторгов на усилители. Какой-то парень из следующей группы помогает мне принести чехлы из дальнего угла сцены. Но я не разрешаю никому касаться инструментов, я сам аккуратно укладываю их спать. Потом я предлагаю помощь следующей группе и, когда они соглашаются, с радостью помогаю им подключить технику к микшеру – иначе мне придется потратить все силы на то, чтобы не смотреть на нее.

Моя привычка выискивать ее в толпе никуда не делась. У меня по-прежнему перехватывает дыхание, когда я вижу ее, вижу, как свет подчеркивает ее красоту. Мое тело еще помнит, каково это – идти рядом с ней. Так что быть на расстоянии – а расстояние это все, что не прикосновение, – все равно что чувствовать себя отвергнутым. Мы были вместе шесть месяцев, и каждый месяц мое желание по-новому разгоралось от одного только ее присутствия. Слова «*Все кончено*» не могут этого отменить. Все песни, которые я мысленно сочинял, были для нее, и теперь я не могу заставить их не звучать в голове. Вечный плей-лист, который играет на фоне. «*Я устала*», – сказала она, и я ответил, что устал тоже

и думаю, нам нужно немного передохнуть. И тогда она сказала: «*Нет, я устала от тебя*», и я соскользнул в сюрреалистическую, но существующую вселенную, где между нами все было кончено, но я никак не мог с этим смириться. Ее больше не было «здесь», не было рядом.

Аккуратно укладывая оборудование и инструменты, я держусь спиной к толпе. Потом наступает момент, когда продолжать так стоять уже нельзя, потому что если слишком долго пялиться в стену перед собой, рано или поздно почувствуешь себя идиотом. Меня спасает следующая группа, которая выкручивает громкость еще сильнее, и вскоре все погружается в прекрасный хаос. Они называются Are You Randy?¹, а их солист реально поет, а не завывает и не пытается изображать подобие Ramones. Я осмеливаюсь бросить взгляд в толпу – ее больше не видно. Там вообще не так уж много девушек – я вижу целый океан парней, которые прижимаются друг к другу, врезаются друг в друга, пока солист рассказывает им о том, как устроен мир, воплощая его в перепутанных обрывках композиций «I want you to want me», «Blue Moon» и «All Apologies».

Мне приходит в голову, что Трис наверняка понравится эта группа, и тот факт, что я это понимаю, снова ранит меня, потому что теперь все знания о том, что ей нравится, совершенно бесполезны. Интересно, кто этот парень? Интересно, были ли они знакомы три недели назад? Три дня назад? Я

---

¹ «Тебя зовут Рэнди?»

рад, что почти не разглядел его, потому что теперь представляю их голыми. А теперь я представляю голой ее, и это такое живое, осязаемое воспоминание, что я невольно шевелю пальцами, желая ее коснуться. Я поворачиваю голову, будто и правда смотрю на нее, и вижу, как Том и его бойфренд, Скот, страстно целуются в такт музыке, словно, кроме них, в мире никого нет. Дэв, полагаю, еще в баре – продолжает выступление. Мы несовершеннолетние, но здесь это не имеет значения. Большинство посетителей старше нас – они из тех, кто учится в колледже или, по крайней мере, должен учиться, и я понимаю, что и правда не вписываюсь. Кто-то из ребят постарше узнает меня и кивает из толпы. На мне, конечно, не написано, что я натурал. Иногда я киваю в ответ, если решаю, что это комплимент моей музыке, а не приглашение уединиться. Я не останавливаюсь ни на секунду.

Дэва я нахожу у бара. Он разговаривает с каким-то парнем, нашим сверстником, который кажется мне странно знакомым. Я подхожу к ним, и Дэв представляет меня: «Это Ник, повелитель бас-гитары». Своего собеседника он называет «Хантер из Hunter». Дэв благодарит меня за то, что я собрал все наши железяки. Потом оба молчат, и я догадываюсь, что я тут лишний. Том на его месте заметил бы мое возбуждение. Но до Дэва дойдет, только если сказать ему прямо, а сейчас у меня нет настроения это делать. Так что я просто сообщаю ему, где оставил вещи, и делаю вид, что собираюсь поискать свободное местечко у стойки, чтобы подозвать бар-

мена. Но тут я понимаю, что это, возможно, и правда не худший вариант. Трис по-прежнему нигде не видно, и какая-то ничтожная часть меня сомневается – может, это и вовсе была не она? Может, просто какая-то девушка, похожая на Трис? Тогда ясно, почему рядом с ней был какой-то непонятный парень.

Выступление Are You Randy? близится к финалу. Инструменты умолкают один за другим, а затем их солист а-капелла пропевает последнюю ноту. Я бы с радостью сделал им комплимент, сказав, что клуб, услышав ее, погружается в тишину, но на самом деле в воздухе висит гул негромких разговоров. Впрочем, и это – результат выше среднего, так что группа получает свою порцию аплодисментов и одобрительных выкриков. Я тоже принимаюсь хлопать и замечаю, что девушка рядом со мной засунула два пальца в рот и свистит на старомодный манер. Звук выходит чистый и выразительный, напоминающий мне о бейсбольных матчах «Малой лиги». На девушке фланелевая рубашка, и я никак не могу решить – она надела ее потому, что пытается возродить единственный модный тренд последних пятидесяти лет, который еще *никто не пытался* возродить, или потому, что рубашка действительно такая чертовски удобная, какой кажется. У нее бледная кожа, а по прическе отчетливо видно, что она из *частной школы*, хотя она усердно старалась привести волосы в беспорядок, чтобы это скрыть. Следующая группа играла на разогреве у Le Tigre в их последнем туре, и, держу па-

ри, эта девочка пришла сюда специально, чтобы на них посмотреть. Другой на моем месте попытался бы завязать дружеский разговор, просто, ну я не знаю, по-приятельски. Но мне кажется, что если я с кем-то сейчас заговорю, то смогу разве что вывалить на человека вот это все.

Том и Скот, наверное, уже согласятся уйти, если я предложу, но я почти уверен, что Дэв еще не определился, пойдет он с нами или нет, а я не хочу вести себя как последний козел, заставляя его ответить немедленно. Так что мне отсюда не уйти, и я это понимаю. И тут я смотрю направо и вижу, как Трис со своим новым парнем подходят к залитой пивом стойке, чтобы заказать еще одну порцию чего-то, что я не пью. Это точно она, и мне точно крышка, потому что толпа давит на меня, и, если я попытаюсь уйти, мне придется проталкиваться к выходу, и она увидит, как я сматываюсь, и точно поймет, что все это для меня невыносимо. А даже если это и вправду так, черт побери, я не хочу, чтобы у нее были доказательства. Она выглядит такой горячей, а меня пробивает мороз. Парень, стоящий рядом, держит ее за руку так, как никогда не сделает гей – ему даже в голову не придет, и я думаю, что свое доказательство получил. Я – устаревшая модель, он – новая, и я могу хоть целый год рубиться на своей бас-гитаре, но ничего, абсолютно ничего не изменится.

Она замечает меня. Ей не удастся сделать вид, что она удивлена этой встречей – потому что она, конечно, знала, что я здесь буду, охренеть просто. Так что она лишь изображает

легкую улыбку и шепчет что-то «новой модели» на ухо, и по их лицам я понимаю, что им вот-вот нальют напитки, и тогда они подойдут и начнут говорить мне «привет» и «хорошо выступили», и – как она может быть такой тупой и жестокой? – спрашивать, как дела. Мысль об этом невыносима. Я отчетливо представляю все это и понимаю, что должен что-то сделать – что угодно, – чтобы это прекратить.

Так что я, непримечательный басист средненькой квиркор-группы, поворачиваюсь к той девушке во фланелевой рубашке, которую я даже не знаю, и говорю:

«Я понимаю, что это прозвучит странно, но не могла бы ты притвориться моей девушкой на следующие пять минут?»

2. Нора

Рэнди из Are You Randy? настаивает, что басист из той квиркор-группы – голубой, но я говорю ему: «Нет, он натурал». Не знаю, может, дерьмовые слова их песни («Трахнуть мужика / Трахнуть мужика» – что за унылая хрень?) – его рук дело, может, нет – понятия не имею, но он точно не гомо. Поверьте мне. Некоторые вещи девушки просто знают – например, что затянуть панковскую песню до четвертой минуты – плохая, очень плохая идея или что басист, типичный парень с Джерси, который явно делает укладку на Астор-Плейс, носит драные черные джинсы с пятнами от отбеливателя и выцветшую футболку с оранжевой надписью «Я скажу: "Иисус", ты ответишь: "Христос"», вряд ли предпочитает парней. Слишком уж усердно он изображает ироничного панкующего юношу в духе Джонни Кэша, чтобы оказаться гомо. «Разве что немножко *эмо*, – отвечаю я Рэнди. – Если он, в отличие от вашей группы, не выглядит как ископаемый пережиток времен Whitesnake, это еще не значит, что он гей».

Но даже если он натурал, из этого не следует, что я хочу оказаться подружкой Не-Гея на пять минут, словно я круглосуточный магазин, в который он заехал на пути к очередной девке. Поскольку я здесь – единственная неудачница, которая не потеряла остатки разума из-за пива, наркоты или

гормонов, у меня хватает ума, чтобы сдержатъ порыв и не заорать «ИДИ НА ХРЕН!» в ответ на вопрос Не-Гея.

Нужно думать о Кэролайн. Я всегда должна думать о Кэролайн.

Я заметила, что Не-Гей принялся собирать оборудование, когда его группа закончила выступать, а его товарищи удалились, чтобы заняться чем-то поинтереснее. Вполне его понимаю. Самой постоянно приходится за всеми прибираться.

Не-Гей одевается отвратительно – он явно из Джерси. А если мальчика из Джерси послали заниматься техникой, значит, у него есть фургон. Конечно, по этому фургону наверняка свалка плачет, скорее всего, у него протекает карбюратор, а может, он проткнет шину или останется без бензина посреди тоннеля Линкольна. Но мне придется пойти на этот риск. Кто-то же должен отвезти Кэролайн домой. Она слишком пьяна, чтобы рисковать и везти ее на автобусе. Кроме того, она настолько пьяна, что отправится к себе вместе с Рэнди, если я не заберу ее домой, чтобы она проспалась. Двинутая фанатка. Если б я ее так не любила, я б ее прикончила.

Повезло ей, что мои родители любят ее так же сильно; ее папа и мачеха уехали на выходные, и им по фиг, что она делает, главное, чтобы она не забеременела и не начала встречаться с мальчиком, если дом у него стоит дешевле шестизначной суммы. Козлы. Мои родители обожают Кэролайн, прекрасную Кэролайн, с длинными карамельными волосами, пухлыми вишневыми губами, сладкими, как конфеты

Tootsie Pop, и с длинным списком приводов в полицию. Они ни слова не скажут, если завтра утром она вывалится из моей комнаты в кухню, растрепанная и с похмелья. Это она, а не я, соответствует их ожиданиям о том, что должна делать дочь «жирных котов», владельцев звукозаписывающей компании из Энглвуд-Клифс – *творить всякую дичь*.

Они не назовут Кэролайн Великим Разочарованием, в отличие от своей дочери, Простушки Джейн. Их дочь носит уютную фланелевую рубашку, взъерошивает стрижку «под горшок», сделанную за 300 долларов в салоне Бергдорфа, куда ее сводила мама, и подкрашивает ее синей краской из баллончика, купленного у Рики. Она ответственная, уперто зубрит все уроки и не имеет вредных привычек. Я решила провести год между окончанием школы и поступлением в вуз в южноафриканском кибуце, вместо того чтобы отправиться прямо в университет Брауна. «**ПОЧЕМУ, НОРА, ПОЧЕМУ?**» Во вступительном эссе для универа я написала обо всей той музыке улиц, которую отец присваивал и затем разрушал к чертовой матери, чтобы мужчины могли заработать. «*Я не какой-нибудь богатенький хиппи*», – со смехом сказал папа, прочитав эссе. Папа не стал бы отрицать, что именно он поставлял рейтингу «Топ-40» на радио немалый процент самых отвратных хитов, но он гордился, что с детства приучал меня к звучанию самых разных жанров, так что теперь, в восемнадцать лет, я при желании могла бы стать крутейшим диджеем, но притом я – невыносимый сноб во всем,

что касается музыки. Кроме того, к несчастью, мои родители живут в счастливом браке уже четверть века, что, без сомнения, бросает тень обреченности на любые мои собственные попытки найти настоящую любовь. Молния дважды не бьет в одно место.

Родители не стали бы отрешиваться от меня, узнав, что сегодня я провела ночь в этом клубе. Черт, с тем же успехом я могла бы забивать косяк в парке Томпкинс-сквер, направляться в BDSM-бар на авеню Ди, и родители бы лишь поаплодировали. Но этот клуб – единственная точка на весь Манхэттен, куда мне негласно запрещено ходить. Все дело в давней неугасающей семейной вражде насчет плохой музыки между папой и владельцем клуба, Чокнутым Лу. (Когда-то он был моим крестным отцом, дядюшкой Лу, но потом весь этот бизнес довел его до переименования в Чокнутого.) Лу – старый панк, еще тех времен, когда Ramones были в первую очередь укуренными любителями поразвлечься и только во вторую – музыкантами, когда слово «панк» еще не стало означать идею, которую разработали маркетологи, чтобы неотесанная толпа тоже могла почувствовать себя крутой.

Мама с папой не стали бы отрешиваться от меня, а попросту убили бы, если бы решили, что я плохо присматривала за их драгоценной Кэролайн. Она часто вызывает у людей подобное восхищение. Меня от этого тошнит, но и я сама поддаюсь ее чарам, становясь ее главной прислужницей –

еще с детского сада.

Я оглядываюсь по сторонам, а заполняющая клуб масса людей струится мимо/сквозь/внутри меня, словно я – призрак, которому не повезло обрести податливую плоть и оказаться между ними и пивом. Блин, я снова упустила Кэролайн. Сегодня она явно сходит с ума по Рэнди, и это круто – Are You Randy? не так уж отстойно играют, но сам Рэнди сегодня изрядно под кайфом. Так что я должна убедиться, что он не зажал ее в уголке. Но во мне всего метр шестьдесят, и то если встану на цыпочки, а Не-Гей, ростом метр восемьдесят, стоит передо мной, заслоняя обзор, и ожидает ответа, не захочу ли я стать его девушкой на пять минут. Он выглядит как потерявшийся зверек из какой-то детской книжки, который бродит повсюду, спрашивая «Ты моя мамочка?».

Из-за него мне не видно Кэролайн, зато я вижу ту тупую девку, Трис, рифмуется с *брис* — так иудеи называют обрезание. Ведь именно это она и проделает с парнем – оторвет у него самое дорогое. Она гордо вышагивает, выставив вперед свои сиськи, вертя задницей так, что на нее обращает внимание каждый тупица-шмок, попавшийся ей на пути, даже геи, которых здесь сегодня предостаточно, – Не-Гей не в счет. Она идет прямо ко мне. Нет-нет-НЕЕЕЕЕЕЕТ. Как она узнала, что мы с Кэролайн сегодня будем здесь? У нее что, шпионы с пейджерами расставлены во всех местах, куда мы с Кэролайн могли пойти в субботу, или что?

Бойфренд, на помощь! В ответ на вопрос Не-Гея я обхва-

тываю его рукой за шею и прижимаю к себе, так что наши лица почти соприкасаются. Боже, я на все готова, только чтобы Трис не узнала меня, не попыталась со мной заговорить.

ЧЕРТ! Я не ожидала, что Не-Гей так хорошо целуется. Ублюдок. Видал, Рэнди? НЕ. ГЕЙ. Доказано. Но я тут не за кайфом, я просто хочу, чтобы мою подружку подвезли до дома. Работать языком тоже не входит в мои планы, но Не-Гей не теряет времени даром, и его язык пробирается в мой рот. Я невольно реагирую на его движение: *«Мммм, а там приятно, понемногу, девочка, понемноооогу!»*

Каким бы вкусным он ни был, подружке на пять минут все-таки нужно несколько секунд на вдох. Я отлепляю губы от его рта, пытаюсь перевести дух и надеюсь, что увижу, как Трис уходит, не заметив меня.

УХ ТЫ. Мне кажется, будто посреди этого хаоса меня ударили в живот – головокружительно. Забудь, что тебе нужен кислород. Мои губы хотят продлить соприкосновение.

К несчастью, Трис стоит прямо перед нами, вешаясь на своего очередного слюнявого поклонника. Ее жертва теперь достаточно близко, чтобы я могла опознать его – это парень, которого недавно отвергла Кэролайн; знакомый Хантера из Hunter. Та группа, Hunter Does Hunter, должна играть следующей (Хантер, это ведь я познакомила тебя с Лу – не стоит благодарности). Трис так крепко обхватывает его за талию, что, наверное, выдавливает из него остатки силы – те, которые эта жадная до чужих душ шалава еще не высосала

из него за примерно три недели, прошедшие с тех пор, как Кэролайн дала ему от ворот поворот.

Трис говорит:

– Ник? Нора? Как это вообще, вы, что ли, знакомы?

Этой стерве не место в таком клубе. Как будто ее манера выражаться – недостаточное доказательство, она одета в типичные шмотки из Hot Topic – короткую черную кожаную юбку с пряжкой сбоку, типовую якобы «винтажную» футболку с Ramones, легинсы цвета мочи и жуткого вида ботинки из лакированной розовой кожи. Изображая собой жалкую пародию на Дебби Харри, она становится похожей на кислотного шмеля.

Нужно будет еще раз переговорить наедине с дядюшкой Лу насчет его принципов управления клубом. Этот человек может выцепить из толпы великолепный новый талант – необузданного, голодного музыканта, который будет готов полить кровью из своих яиц – или другой важной части тела – сцену Чокнутого Лу в обмен на возможность на ней выступить. Но Лу ни хрена не понимает в бизнесе. Посмотрите, он пускает сюда какой-то сброд, каких-то малолеток с Джерси! Может, он даже пива музыкантам бесплатно наливает! ЛУ! Как ты думаешь, почему же многие из этих козлов – алкоголики и нарики? Они знают толк в музыке. Они могут играть правильный панк совершенно искренне – быстро, жестко, злобно, – но они еще не доперли, что настоящий панк теперь идет на дно чистым: никакого алкоголя, никаких си-

гарет, никаких шлюх. Теперь самая суть панка – это то, что остается, если убрать безумие: музыка и заключенное в ней послание.

Что ж, ребята, пейте до дна, потому что когда я вернусь из Южной Африки через год, я начну заправлять этим клубом – как обещал Дядюшка Лу – вместо того, чтобы снова подать документы в Браун, как я обещала родителям. И тогда, друзья мои, здесь, в Нижнем Ист-Сайде будет новый шериф. Веселитесь, оттягивайтесь, развратничайте – потому что ваше время на исходе.

Впрочем, в будущем я, может, и пересмотрю свое мнение насчет запрета на поцелуи. В поцелуях есть что-то милое, есть кое-какие возможности – особенно если удалось найти подходящую пару губ.

Не знаю, почему, но я проделываю то, что обычно Кэролайн делает со своими жертвами мужского пола – вместо того, чтобы взять Не-Гея за руку, я властным жестом кладу руку ему на шею и мягко, властно глажу ему затылок. Трис смотрит на нас. Пальцы скользят по ежику стриженных волос, я чувствую, как его шея покрывается мурашками. Отлично. Пожалуй, мне даже приятно видеть, как нижняя губа Трис от удивления отвисает чуть ли не до подбородка. Вот в чем проблема с Трис: полутона не для нее.

Мои действия, какими бы они ни были, возымели успех. Она безмолвно уносится прочь. Фух. Проще, чем я ожидала. Я смотрю на часы. Думаю, у меня с моим новым бойфрен-

дом осталось примерно две минуты сорок пять секунд до расставания. Закрыв глаза, я немного поворачиваю голову, ожидая возвращения его губ.

Кэролайн говорит, что я фригидная. Иногда я думаю, что она дразнит меня, чтобы я повторила фразу своего Злобного Бывшего, так что я уточняю: «Хочешь сказать, меня не легко добиться?» Она поясняет: «Нет, черт тебя дери, я хочу сказать, что ты отпугиваешь парней одним взглядом или словом, раньше чем они успевают определиться, хотят ли они попытаться с тобой счастья. Ты такая категоричная. И к тому же фригидная».

Должно быть, Не-Гей в курсе, что я такая, потому что он не пытается возобновить наше общение рот-в-рот. Он спрашивает:

– Откуда ты, черт побери, знаешь Трис?

И тогда я вспоминаю. Трис назвала его НИК. Нееееет. Это же он! НИК! Парень из Хобокена! Человек, который посвятил ей все песни и стихи, лучший бойфренд, какого никогда не видать нам в школе Святейшего Сердца, горячий парень, с которым Трис проводила время, познакомившись с ним в начале учебного года в поезде Трансгудзоновской железной дороги, и которому с тех пор постоянно врал и изменяла. Почему НИКУ не показалось странным, что он встречается с ней уже так долго и ни разу не видел ее школьных подруг? ИДИОТ!

Но, конечно, Трис не стала бы знакомить его с нами. Нет,

она не стала бы переживать, что мы выдадим ее неверность, — она боялась, что он западет на Кэролайн. Трис могла встретиться с теми, кого отвергла Кэролайн, но она никогда не предложит ей одного из своих. Трис вела себя как типичная Одинокая Белая Женщина. Мы даже то и дело шутили, что Кэролайн нужно добиться получения против нее ограничительного ордера — хотя Трис, конечно, поставляет нам столько веселья, что было бы жаль выпустить ее из виду. У нас с ней была своего рода любовь-ненависть. Мы не чувствовали себя виноватыми, потому что оставался всего месяц школы, и я была уверена, что больше мы никогда ее не увидим, после того как произнесем наигранное «отличного лета, удачи в колледже» и получим выпускные альбомы. А с точки зрения кармы я многократно отплатила Трис за все мои язвительные шуточки. В этом году она сдала химию и алгебру исключительно благодаря мне. Блин, да она и школу-то благодаря мне окончила.

Я не утруждаю себя ответом на вопрос Ника о том, откуда, черт побери, я знаю Трис. Мне нужно найти Кэролайн.

Я забираюсь на барный стул. Это единственный шанс найти ее среди всех этих людей, громкой музыки, вонючего пота, пьяного драйва и сегодняшнего дня, который все никак не кончится — кажется, что еще только середина вечера. Чтобы не упасть, я опираюсь рукой о голову Ника и всматриваюсь в толпу. Я ерошу ему волосы — совсем чуть-чуть, не в силах сдержаться.

Вот она! Я вижу, что Кэролайн прижимается к Рэнди, сидя за угловым столиком, у кирпичной стены, у самой сцены, справа от Хантера из Hunter Does Hunter, который наконец добрался до микрофона. Не знаю, какую песню подготовила его группа, но слова Хантер явно придумывает на ходу, и они не имеют ничего общего с быстрыми и яростными гитарными аккордами.

«Дэв, пойдём домой со мной, Дэв Дэв, Дэв, трахни его».

Спрыгнув с табурета, я устремляюсь к Кэролайн, но Ник крепко хватает меня за запястье и тянет обратно.

– Seriously, – говорит он. – Откуда ты, черт побери, знаешь Трис?

Он сжимает мою руку так, что ремешок часов прищемляет кожу, и боль заставляет меня отвлечься от Кэролайн и посмотреть прямо на Ника. Я замечаю, что он выглядит потеряннм, но очень хочет, чтобы я осталась с ним. Глаза у него одновременно добрые и сердитые. Взглянув в них, я вспоминаю слова из одной песни, которую он написал для Трис, – она пустила ее по рядам на уроке латыни, потому что решила, что текст абсолютно уныл.

*То, как ты во сне поешь,
То, как ты выглядишь перед прыжком,
Какие иллюзии ты питаешь,
Ты не видишь, ты не знаешь,
А я замечаю.*

На хрен Трис. Я дала бы себе что-нибудь отрезать, только чтобы парень мне такое написал. Может, почку? Или обе? Слушай, Ник, они твои – просто напиши такую песню для меня. Вот тебе для вдохновения: парень в панковском клубе просит странную девушку побыть с ним пять минут, девушка целует парня, парень отвечает на поцелуй, потом парень видит другую девушку – что в ней *такого*? Ник, давай просто послушаем слова какой-нибудь песни. Пожалуйста? На старт. Внимание. Марш.

Мне хочется сердито топнуть ногой – я злюсь и на него, и на себя. Потому что я понимаю – что бы Трис ни сказала ему, именно из-за этого он выглядит жалким и отчаявшимся, как потерявшийся щенок. Именно из-за нее он станет бесчувственным и озлобленным стариком еще до того, как ему станет можно пить. Он перестанет доверять женщинам и будет писать о них грубые, злобные тексты. С этого момента и до конца дней он будет думать, что все девушки – лживые неверные шлюхи, и все потому, что одна из них разбила его сердце. Из-за таких парней, как он, такие девушки, как я, становятся фригидными. Я знаю, что он способен быть поэтом – ведь, как я уже сказала, некоторые вещи я просто знаю. Именно я могла бы подсказать ему старомодное название песни, что-нибудь вроде «Преданность и истинная любовь (но все сложно)», если бы он дал девушке вроде меня второй шанс. Я – его девушка меньше чем на пять минут, но за один слишком короткий поцелуй я уже представила,

что буду с ним, что мы оттянемся как настоящие панки в чертовом джаз-клубе в Виллидж или где-то еще. Может, я буду потчевать его борщом в «Веселке» в пять утра, может, я прогуляюсь с ним вдоль Бэттери-парка на восходе, держа его за руку, чувствуя, что никто не верит в него так, как я. Я бы сказала ему: я слышала, как ты играешь, я читала твои тексты, не то дерьмо, что играла твоя группа, а эти любовные письма, тексты, которые ты писал для Трис. Я знаю, на что ты способен – явно на большее, чем роль басиста в средненькой квиркор-группе, – ты выше этого; и к тому же, чувак, барабанщик – это очень важно, вам он точно нужен. Каждую ночь я буду возиться со всей этой техникой, без единой жалобы. Но нет, ему обязательно нужен кто-то вроде Трис: большая грудь, глупая улыбка и способность трещать без умолку. Буквально без умолку.

Приятель, ты хотел по-простому – что ж, пожалуйста.

Я высвобождаю запястье. Но почему-то, вместо того чтобы уйти, замираю на мгновение и снова касаюсь рукой его лица, мягко провожу ладонью по щеке, рисую круги указательным пальцем на его подбородке.

И говорю ему:

– Бедняжка.

3. Ник

Трис проходит мимо, и мир словно теряет глубину. Третье измерение пропадает, а за ним и второе, и мне остается только одно – ее измерение.

Но, конечно, есть и другое измерение – время, и оно движется вперед неумолимо. Трис уходит, и все измерения возвращаются, и, хотя теперь их стало больше, кажется, что мир уменьшился.

И все, что мне остается, – эта девочка, полная двусмысленности и загадочности, эта Нора. Она чертовски хорошо целуется, но явно какая-то непоследовательная. Я спрашиваю ее, откуда она, на хрен, знает Трис, потому что это повергает меня в полную растерянность, и сначала она смотрит на меня, словно это не меня она начала не пойми с чего целовать, а потом касается моей руки так, что я внезапно отчетливо осознаю, что у меня есть рука, и одновременно смотрит на меня, как на больного раком ребенка. Потом я хватаю ее за руку, и она сопротивляется, не сопротивляясь по-настоящему. Наконец, она отстраняется, но только для того, чтобы коснуться моего лица так нежно, что я тут же вспоминаю про тот поцелуй.

А потом она называет меня «бедняжкой».

И, словно последний бедняжка, я такой спрашиваю:

– Почему?

Я вижу, что она что-то знает, но не говорит. Вместо этого она произносит:

– Мне нужно найти подругу.

– Я с тобой, – вызываюсь я. Уверен, Трис где-то за спиной, может, она смотрит. К тому же вряд ли я сейчас найду лучшее занятие, чем пойти следом за девушкой, которая чертовски хорошо целуется, куда бы она ни собралась. Дэв тем временем забирается на сцену, чтобы изобразить подтанцовку для Хантера. Тома со Скоттом вообще нигде не видно.

– Вот что я тебе скажу, – произносит Нора. – Ты нас подвезешь, а я продлю твое исходное предложение на две минуты.

– Семь – мое счастливое число, – сообщаю я.

А она просто смотрит на меня. *Бедняжечка.*

– Но в самом деле, – повторяю я. – Откуда ты знаешь Трис?

– Я разломала ее Барби, когда мы учились в пятом классе, – объясняет она. – Дальше мы продолжали в том же духе.

– Ты из *Энглвуда*?

– Из *Энглвуд-Клифс*. В *Энглвуде* цены на жилье еще приемлемые.

Теперь она проталкивается сквозь толпу, а ядвигаюсь следом.

– Она была здесь секунду назад, – говорит девушка.

– Кто?

– Никто. Кэролайн. Слушай, просто заткнись на секунду,

чтобы я могла подумать, ладно?

Можно подумать, если я помолчу, она сможет услышать звук шагов в этом чертовом клубе.

Пока она осматривается, я, как дурак, оглядываюсь и замечаю, что Трис и ее новое приобретение страстно обнимаются. Она выглядит такой горячей в своей футболке с Ramones и золотистых чулках – я всегда просил ее надеть их, потому что в них она выглядит как персонаж из комиксов Marvel. Я помню, как снимал с нее эту футболку, снимал с нее эти чулки – она вскрикнула «осторожней!», когда я подобрался к ее бедрам. А теперь руки какого-то другого парня касаются лица Джоуи, скользят по подбородку Ди-Ди и – о, черт подери – спускаются между буквами А и М, направляясь как раз к букве V, под ее мини-юбку, которая выглядит как нечто среднее между H&M и S&M.

И все это время она смотрит на меня. Готов поклясться, она смотрит на меня.

Я отворачиваюсь – Норы уже нет рядом, но, к счастью, она обнаруживается в паре метров от меня. А девушка, к которой она проталкивается, кажется мне смутно знакомой. Не в смысле «эй, может, мы ездили вместе в летний лагерь в Валла-Валла», нет – скорее «эй, кажется, вчера я перешагнул через тебя, когда шел в туалет». Конкретно сейчас она вешается на парня из Are You Randy? словно проходит кастинг на роль кармана на его куртке. И, судя по всему, он вполне готов ее принять. Единственное препятствие – моя «девушка

на пять минут». Она произносит имя Кэролайн с интонациями старшей сестры. Судя по сожалению, которое мелькает во взгляде Кэролайн, я решил бы, что они и правда сестры, если бы Нора раньше не назвала ее своей подругой. На миллсекунду мне кажется, что они – влюбленная парочка, но что-то в выражении лица Норы выдает, что просто подруги.

Кэролайн явно собирается сказать что-то резкое, но внезапно Хантер и Дэв принимаются играть чертов кавер на песню Green Day, и всем нам снова становится по семь лет, и мы танцуем, словно выплюнули риталин, пока мамочка не смотрела. Мы превращаемся в единую массу парамеций, размахивающих жгутиками, погружаемся в общую лихорадку, в электричество, которое извергает гитарист. Даже Трис неизбежно становится частью этого единства, а если мы оба – его часть, значит, мы в каком-то смысле связаны. Все в этой комнате связаны, кроме Норы – она похожа на статую, которую им никогда не воссоздать, статую человека, потерпевшего поражение. Кэролайн танцует рядом с парнем из Are You Randy? как будто именно для этого ее создал бог или Билли Джо Армстронг. Я пытаюсь забыться, погрузившись в песню, но какая-то часть меня попросту не хочет гореть. Думаю, моя «девушка на семь минут» наступила на запал и затоптала огонь.

– В чем дело? – кричу я. А она отвечает мне таким взглядом, словно забыла о моем существовании. Значит, она забыла и о том, чтобы защищаться от меня, так что на мгно-

вание мне открываются слова, таящиеся в ее взгляде. *«Я на это не способна. К дьяволу, это слишком сложно».*

Я меняю вопрос:

– В чем проблема? – И тут же ее взгляд словно скрывается за непроницаемым заслоном. Но мне любопытно. Да, чертовски любопытно.

– Ни в чем, на хрен, – отвечает она. – Думаю, нам пора.

– Тебя больше не нужно подвозить? – спрашиваю я. Не то чтобы мне очень хотелось использовать свою тачку, чтобы провести немного больше времени с девушкой со сложным характером.

– Блин, – песня заканчивается, и все разражаются радостными выкриками. Я едва различаю ее слова:

– Подожди минутку.

Дэв и Хантер раскланиваются с таким видом, будто они без ума друг от друга. Дэв перегибается через спину Хантера, и они синхронно отвешивают поклоны. Пока руки парня из Are You Randy? заняты аплодисментами, Нора кладет руку на плечо Кэролайн, наклоняется к ней и кричит что-то ей в ухо. Кэролайн отодвигается в сторону сантиметр за сантиметром. Я ничего не могу разобрать, а потом наконец слышу, как Кэролайн орет: «Я не под кайфом!» – а значит, на самом деле, конечно, так и есть, потому что разве станет кто-то в трезвом уме вопить такое? Парень из Are You Randy? начинает врубаться в происходящее, так что он пытается удержать ее, схватив покрепче. Но инстинкты абсолютно подво-

дят его, потому что его рука соскальзывает куда-то к ее груди, а это явно не та территория, которая поможет ему закрепиться. Нора резким движением отмахивается от его волосатой лапы, и вот Кэролайн уже тащится в мою сторону.

Я едва успеваю понять, что происходит. Кэролайн наклоняется в мою сторону, а я ее ловлю. Потом ее клонит вниз, и я почти уверен, что ее вот-вот стошнит на меня, но вместо этого она распрямляется, смотрит на меня и говорит:

– У тебя реально отвратные ботинки.

Нора появляется рядом со мной. Она произносит:

– Пойдем.

Она предоставляет мне тащить Кэролайн, которая между делом кричит всем, кто попадает на пути: «Уберитесь на хрен с дороги», – разгоняя толпу своим ревом. Я сердцем чувствую, в какую сторону мы идем, потому что оно начинает колотиться, словно я и правда хочу сказать что-то важное. К тому моменту, когда я оказываюсь способен сосредоточиться до такой степени, чтобы понимать, что происходит вокруг, я осознаю, что кто-то заслоняет нам путь. Это девушка, которая забрала ключ от моего сердца и с улыбкой проглотила его.

– Мне нужна твоя машина, – говорит она.

И я будто забыл, как произносится слово «Что?», потому что я просто стою на месте, глядя на Трис, и думаю: «*Она говорит со мной*». И почему-то эта мысль превращается в «*она дает мне шанс*».

– Мне кое-куда нужно, – сообщает она. – Обещаю, я ее верну.

Я сую руку в карман за ключами. И думаю: «*Я поеду с тобой*». Я представляю, как она сядет на пассажирское сиденье, и мы будем болтать, прокручиваю в голове подходящие фразы. Ее лицо будет освещено тем особым светом, который царит ночью в машине – на две трети от приборной панели, на треть от проносящихся мимо огней на противоположной полосе. Я слишком хорошо это помню.

Черт, я же любил ее тогда. И *тогда* просачивается в *сейчас*. Я думаю: «*Почему нет?*» Я думаю: «*Мы же совсем не изменились*». А какой-то голос извне произносит: «Боюсь, машина уже занята. Ты там не поместишься, *Трис*. Прости».

Теперь эта Нора улыбается, источая дружелюбие и свет.

– Прости, что? – спрашивает Трис.

– Извини. Я неясно выразилась. Давай я поясню. ОТВАЛИ НА ХРЕН.

– Ой, Нора, а я думала, это ты у нас не выносишь ругательств. А теперь, почему бы тебе не взять вон там бутылку «пьянзиллы» и не поискать каких-нибудь фанатов Weezer, чтобы поразвлечься с ними? Я не с тобой, а с Ником разговариваю.

А я думаю: «*Она борется за меня. Трис добивается меня*».

Но почему-то Нора обнимает меня и запускает пальцы мне в задний карман джинсов.

Я уже собираюсь сбросить ее руку, но тут Трис произно-

сит:

– Ну же, Ник – мы правда опаздываем, и нам нужна машина. Я заплачу за бензин.

И тут же я понимаю, что меня нет в этом ее «мы». Меня выгнали на хрен из этого самого «мы».

– Пойду поищу Рэнди, – решает Кэролайн.

– Нет, блин, не пойдешь, – отвечает Нора, убирает руку с моего плеча и берет Кэролайн за локоть. Мы стоим, как персонажи сказки, словно *«мы в город Изумрудный идем дорогой трудной»*, а Трис заслоняет нам путь, словно Злобная ведьма из Прошлого.

Она могла бы заполучить меня так легко. Но вместо этого она фыркает и соглашается:

– Можешь его забирать. Мне нужна была только его машина.

И с этими словами она покидает меня. До самой смерти, после каждой встречи с ней я буду чувствовать, как она покидает меня. Снова и снова, снова и снова.

Нора вынимает руку из моего заднего кармана и сосредотачивается на том, чтобы удерживать Кэролайн в вертикальном положении. Теперь моя очередь вести, и я справляюсь с трудом. Не то чтобы я был пьян, укурен или под таблетками. Просто я совершенно разбит. И потому почти не воспринимаю окружающее.

В этой какофонии лишь один аккорд внушает надежду – девочка, за которой я иду. Я знаю, что мог бы отправить ее

просто искать такси – подозреваю, что она вполне может себе это позволить, – но мне приятнее будет уехать отсюда с ней вместе, остаться с ней. Она прощается с менеджером клуба, мы добираемся до двери и наконец вываливаемся на улицу. На тротуаре полно людей, они курят, болтают друг с другом, пока сигареты не превращаются в пепел. Несколько человек, которых я едва узнаю, кивают мне. В обычной ситуации, выходя из клуба с двумя симпатичными девушками, я поймал бы несколько восхищенных взглядов. Может, дело в том, что Нора и Кэролайн явно сердятся друг на друга, а может, все тут думают, что я гей – как бы там ни было, я получаю не больше поздравлений, чем таксист, который забирает клиента.

Я знаю, что должен предложить Норе свою помощь, когда она пытается усадить Кэролайн на переднее сиденье, но проблема в том, что сейчас я сам едва держусь на ногах. Улицы пусты. И внутри меня пусто. Или нет – полно. Полно боли. Просто моя жизнь пуста.

Я вожусь с ключами. Трис не ждет меня внутри машины. Трис вообще меня нигде и никогда больше не будет ждать.

Мне не стоило приходить сюда. Мне не стоило приходить туда, где может оказаться она.

Мы подходим к машине.

– Что *это* за хреновина? – спрашивает Нора.

Пожав плечами, отвечаю:

– Это «юго».

4. Нора

Так вот к чему привел меня мой многообещающий жизненный путь. Еврейская принцесса из Энглвуд-Клифс, чертова отличница, которая *сама решила* пойти в католическую старшую школу для девочек, чтобы быть рядом со своей лучшей подругой, которая *сама решила* отказаться от поступления в Браун, девушка, чьи возможности – теперь, когда перед ней вот-вот откроется весь мир, – вполне могут оказаться бесконечными, просидит всю апрельскую ночь на пассажирском сиденье «юго», воняющего маслом пачулей (Трис использует его для ароматерапии). Возможно, это просто машина не заводится, но у меня такое чувство, будто не заводится вся моя жизнь. Да уж, у этого «юго» металл высовывается сквозь порванную обивку пассажирских сидений, царапая бедро. Этот реликт времен холодной войны никак не реагирует, когда Ник поворачивает ключ в замке зажигания, и это отличная метафора для моей убогой жизни: НЕ ЗАВОДИТСЯ.

Может, Ник и правда басист от Бога, но он еще и бог парковки, потому что он занял место прямо перед клубом. В результате этого несчастного стечения обстоятельств теперь, сидя в застрявшей машине, я могу наслаждаться звуками музыки, доносящимися оттуда. Они реально чертовски хороши, и это меня чертовски бесит. Не уверена, правда ли это

хороший жизненный выбор – влезть в этот «юго» со своим новым почти бойфрендом, или я упустила что-то хорошее, уйдя из клуба, чтобы в очередной раз спасти Кэролайн. Как бы там ни было, я хочу услышать больше музыки. На сцене по-прежнему Хантер, но теперь я слышу, что тот парень, Дэв, поет вместе с ним – еще один кавер на Green Day – «Time of Your Life», и он звучит странным образом гармонично. Hunter Does Hunter ускорили классический легкий радиохит (потому что вряд ли можно придумать что-то более панковское, чем взять за основу музыку, которая играет в лифтах – боже, благослови Билли Джо) и начать исполнять ее в темпе «Parliament». И еще я готова поклясться, что диджей подмешал в композицию немного безумных завываний Майкла Джексона: «Билли Джин – не моя любовница, этот мальчишка – не мой сын»². Как это возможно и почему это звучит так офигительно? Если «юго» не заведется в следующую секунду, я выйду, и плевать, что мне ужасно хочется попытаться стать девушкой Ника на еще семь минут после того, как мы отвезем Кэролайн ко мне. Для бедняжки-неудачника он ужасно, соблазнительно миленький.

– Ты это слышишь? – спрашиваю я у него.

– Что? Двигатель заводится? – Бедняжка не только милый, не только любитель поскакать по танцполу, трясая головой, он, вполне вероятно, просто хороший парень. По край-

---

² Цитата из песни Майкла Джексона «Billie Jean» – «Billie Jean is not my lover, the kid is not my son».

ней мере, он весьма искусно устроил пьяную Кэролайн на заднем сиденье этого своего жуткого «юго» и убедил ее, что это была ее собственная идея. Давайте не забывать и о том, что он великолепно целуется. Он заслуживает большего, чем Трис, – и большего, чем этот «юго».

Я отвечаю:

– Нет, приятель. Прислушайся, чувствуешь, что за ритм гремит в клубе? Это барабаны. Известно, что с первобытных времен они типа используются как основа для музыки.

Я отбиваю ритм на крышке бардачка «юго». От этого она открывается. Внутри приклеена фотография Трис, сделанная на «полароид». Я срываю ее. Вот же хрень! Кэролайн вовсе не параноит – Трис и *правда* стянула белую футболку Кэролайн с винтажным вырезом и автографом Фли в районе левой груди. Я выбрасываю фотографию в окно и поворачиваюсь к Нику.

– Вашей чертовой группе нужен барабанщик. Я видела, как вы там, в клубе, скрипели зубами, слушая предыдущий кавер Хантера на «Chump», ту песню Green Day. Я вижу, что ты чувствуешь ритм, и это важнее, чем твое умение играть на басу, так что инфаркт может случиться. Подумай об этом. Разве получилась бы «Chump» без Тре Кула? Слушай, найдите себе барабанщика. Правда.

Кэролайн еще не достигла той стадии опьянения, когда ей тепло и уютно – между вспышкой активности и моментом, когда ее потянет в сон, так что сейчас на нее как раз нападает

любопытство. Как по расписанию, она вмешивается в разговор с заднего сиденья:

– Правда, – потому что она всегда продолжает фразу с того места, где я остановилась. – Эй, водитель! Привет!

Она хлопает Ника по плечу. Он оглядывается на нее, а потом быстро поворачивается лицом ко мне. Такая милая девушка – и такой мерзкий запах текилы изо рта. Кэролайн хочет выяснить:

– Почему ты носишь такие уродские ботинки? Эй, водитель, ответь! Ответь, а?

– Они идут в комплекте с машиной, Кэролайн, – сообщаю я ей. – Водители «юго» должны носить хреновы драные и заслуженные высокие ботинки от Chuks. Такое правило. В инструкции написано.

Я достаю инструкцию к «юго» из бардачка. От обложки к его стенке тянется липкая пожеванная резинка. Я достаю салфетку и вытираю жвачку с обложки. Чертова Трис, любительница Bubblicious. Я кидаю мануал на заднее сиденье, чтобы Кэролайн с ним ознакомилась.

Она не обращает внимания на эту великую книгу.

– Ты югослав, водитель? – спрашивает она у Ника. – Нора, вот почему он везет нас домой? Это таксист, верно?

– Верно, – отвечаю я ей. Он станет таксистом, как только это чудо-юго заведется на хрен. Мы тут имеем дело с ограниченным окном возможностей. Десять минут ушло только на то, чтобы запихнуть Кэролайн на заднее сиденье. Теперь

я вижу, как Рэнди шатается рядом с клубом, курит сигарету, что-то втирает Чокнутому Лу, но посматривает на «юго», готовый снова наброситься на Кэролайн, если эта тачка в ближайшее время не уберется отсюда.

– А разве еще есть такая национальность – югославы? – спрашивает Ник. – Теперь, когда у них страна распалась? Там какая-то жуткая хрень творилась, в Сербии и Хорватии, верно? Ужасно жаль.

Он качает головой и бессмысленно крутит ключ в замке зажигания, словно отчаялся чего-то добиться. Ударяет головой об руль, а затем стучает кулаком по рычагу переключения передач. Он готов. Больше не может этого выносить. Эта машина никуда не поедет. Он выглядит таким подавленным и разбитым. У меня даже не хватает духу отчитать его за то, что он изображает скорбь по Югославии, хотя совершенно очевидно, что на самом деле он скорбит по отношениям с Трис.

Кэролайн сообщает нам:

– Знаешь, во мне есть югославская кровь. Со стороны прадедушки.

Я отвечаю:

– В тебе есть и трансильванская кровь, дурочка. Умолкни. Мне нужно подумать.

Как мы, блин, теперь попадем домой? И почему вообще я должна везти Кэролайн домой? Рядом со мной сидит классный парень. Пусть даже он достался мне после Трис, но у

него есть потенциал, с которым можно поработать. А я здесь, в Манхэттене, как поет Стиви Уандер в любимой папиной песне: «Нью-Йорк как раз такой, как я представлял: небоскребы и много чего еще»³. Здесь должны кипеть события – а вместо этого стоит «юго», который не заводится. Сквозь лобовое стекло я вижу небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг, подсвеченный розовым и зеленым по случаю Пасхи. Это напоминает мне, что Иисус умер за грехи Кэролайн, а не за мои – я из другого племени, – так что с какой стати я буду снова спасать ее задницу, если я могу выйти из этого «юго» и позволить себе получить удовольствие от жизни? Я так толком и не воспользовалась этими двумя дополнительными минутами в качестве девушки Ника.

Кэролайн говорит:

– Ты мне не начальница, Саб-Зи.

Я не могу сдержаться – это безусловный рефлекс. Я оборачиваюсь, чувствуя ее драконий выхлоп, и рывкаю: «Не называй меня так!» Она хихикает, довольная, что смогла вывести меня из себя.

Хихиканье Кэролайн, к счастью, благополучно превращается в сопение. Я вижу ее отражение в боковом зеркале – похоже, она засыпает, прислонившись щекой к стеклу. Никогда не видела, чтобы она вырубалась, предварительно не побуянив. В конце концов, может, у Ника и его «юго» есть какие-то магические свойства. Пожалуйста, пусть их хватит

---

³ Строки из песни: «New York, just like pictured it – skyscrapers, and everything».

до нашего возвращения в Джерси.

Громкий храп, доносящийся с заднего сиденья, свидетельствует, что Кэролайн и правда отключилась. УРА! Иисус милостивый, спасибо тебе за этот временный приют, и, слушай, я, пожалуй, даже добавлю благодарность за то, что ты умер за мои грехи. Ты КРУТ, И.Х.! Пожалуй, я не стану обращать внимание на тот факт, что, как только я приеду домой, мне придется спать рядом с мисс Драконий Выхлоп, чтобы убедиться, что она не задохнется в своей рвоте. Опять.

– Одной проблемой меньше, – говорю я Нику. Кладу левую руку на его правую, которой он сжимает рычаг переключения передач. – А теперь – что мы будем делать с другой?

Он едва заметно вздрагивает от моего прикосновения и высвобождает руку, чтобы еще раз повернуть ключ зажигания. Вообще не понимаю, с чего это мне захотелось до него дотронуться.

И он спрашивает:

– А зачем ты разломала Барби Трис?

Вот же хрень, это жертва за то, что Кэролайн вырубилась неожиданно рано – похоже, к Нику перешло то состояние меланхолии, которое обычно следует у Кэролайн за назойливым любопытством? Он продолжает:

– У меня было три сестры, и я знаю, что это чертовски серьезно – испортить Барби другой девочки.

Ладно, может, это не меланхолия – его саркастичная улыбка дает понять, что он снова превратился в типично-

го ироничного паренька из музыкальной группы. Но какого черта – почему мне от этого хочется наброситься на него прямо сейчас?

И все-таки по нему видно, что ему и правда интересно, но я не собираюсь объяснять ему свои отношения с Трис. Просто не смогу. Ущерб, который Саб-Зи может нанести мужской психике за одну ночь, ограничен.

С другой стороны, может, я смогу превратить Ника в свой проект, устроить ему детоксикацию, очищение от Трис, провести реабилитацию, организовать для него полное погружение в отношения с хорошей девушкой? Мне тоже нравится число семь – так что мы можем двигаться плавно, постепенно, приятно и красиво – семь дней вместо семи минут. А потом я отпущу его, освобожу от груза мыслей о Трис, переделаю и превращу в прекрасного парня. Я уверена, он скрывается где-то там, за этими глазами, хранящими образ Трис. Это будет мой дар всем женщинам – идеальный представитель мужского пола, прекрасный музыкант, который отлично целуется. Я выпущу его в мир, тщательно очистив от иронии, и он больше не будет подозревать всех женщин в том, что они окажутся такими, как Трис. Ну, И.Х., а кто теперь крут?

Белый фургон проносится по улице с односторонним движением в запрещенном направлении и останавливается у пожарного гидранта прямо перед нашим «юго».

– О, слава богу, – говорит Ник. Интересно. Похоже, нас спасет божественное вмешательство. Судьба?

Из фургона выходит парень, и я узнаю его – он обнимался с тем типом из группы Ника, который не пел, после их выступления. Я лишь минуту наблюдала за тем, как они целовались, а потом мне пришлось отвести взгляд. Саб-Зи почему-то так возбуждается, когда два парня целуются. Не понимаю, почему подглядывание за тем, как два человека одного пола целуются, считается допустимым исключительно для прыщавых студентов, которые передергивают на лесбийское порно. Это такой сексизм. Феминизм должен быть для всех – он про сексуальное освобождение, равную оплату за одинаковую работу и фундаментальное право девушек любиться на целующихся парней.

Если бы я не увидела, как те два парня искренне и страстно целуются, быть может, я бы и не ответила поцелуем на просьбу Ника стать его девушкой на пять минут. Кажется, что с того момента прошло уже несколько лет, а не минут. Что вообще тут происходит с мисс Драконий Выхлоп и заглохшим «юго» и ПОЧЕМУ я так много думаю о том, чтобы так и застрять в остановившемся времени в «юго» с этим Ником? Он же встречался с ТРИС!

Бойфренд того парня настолько старается выглядеть, как эмо, что стал похож на куклу из «Маллет-шоу». Он наклоняется к открытому окну со стороны Ника и говорит ему:

– Открой капот, попробуем «прикурить» двигатель этой малышки.

– Ага, – отвечает Ник, словно в этом нет ничего необыч-

ного. – Спасибо, Скотт.

Скотт смотрит в мою сторону и произносит:

– Если ты не против, Тому не помешала бы твоя помощь, он ждет в фургоне.

Что за фигня? Неважно.

Пожав плечами, я вылезая из «юго», а Скотт тем временем открывает капот «юго» и подсоединяет провода прикуривателя. Рэнди стоит, прислонившись к стене клуба, и я пихаю его, проходя мимо, просто потому, что могу. Потом я подхожу к фургону с пассажирской стороны и вижу, что кузов забит музыкальной техникой. Я же *знала*, что у группы Ника есть нормальная машина! Почему только я не уточнила – обратно в Джерси на *фургоне*, а не на «юго»?

Парень, который сидит на водительском месте, говорит:

– Привет. Я Том. Через H. T-h-o-m.

Я отвечаю:

– А я Нора. Через G. G не произносится. Как в слове «gnome».

– Правда? – спрашивает Thom через h.

– Нет, на самом деле нет. Но h тоже есть. На конце. Когда-то мое имя писалось просто N-O-R-A, но я решила официально добавить h в конце после того, как папа упустил возможность заключить контракт с Норой Джонс. Не хочу давать ему возможность с легкостью забыть об этом.

– Правда? – повторяет «Том через h».

– Правда, – отвечаю я. – Но я представить не могу, поче-

му и зачем я сейчас обсуждаю с тобой правописание. В чем дело?

Том через h протягивает мне помятую банкноту в 50 долларов. Он говорит:

– Мы со Скоттом решили немного вложиться в это дело. Мы видели, как ты целовалась с Ником.

В их группе поет не он, но он все равно пропевает *«Дай ему что-то, что он сможет почувствовать»*⁴, подражая Арете, а не En Vogue.

– Не понимаю, – произношу я.

Крышка капота заслоняет нам обзор, но мы слышим, как движок «юго» с угрожающим ревом оживает.

– Нет времени объяснять, – говорит Thom. – Просто скажу, что мы со Скоттом всей душой ненавидим бывшую Ника, так что мы хотели бы немного помочь ему пережить это и двигаться дальше. Так что, пожалуйста, своди его куда-нибудь сегодня, полюбуетесь городом, посмотрите заднее сиденье «юго», неважно, просто, пожалуйста, своди сегодня куда-нибудь нашего друга. Мы уже решили, что ты нам нравишься и что ты спасешь Ника. Но мы не хотим на тебя давить, вообще-то.

Да, лестью этот парень добьется чего угодно, да и я как раз предавалась мыслям о спасении, но я отвечаю ему:

– Не смогу, – хотя искушение и правда слишком сильно. Ужасно сильно. Мне любопытно, что случится, если я риск-

---

⁴ Строки из песни: «Giving him something he can feel».

ну еще раз коснуться руки Ника – или какой-нибудь другой части тела, например этого ужасно вкусного Не-Гейского рта. – Ник просто согласился подвезти меня и мою пьяную подружку до Джерси. Сейчас она спит на заднем сиденье «юго».

Том через h говорит:

– У нас есть матрас в багажнике. Давай поменяемся. Мы отвезем ее домой, а ты сегодня позаботишься о Нике.

Я решаю, что, может, и правда стоит немного пожить.

– Заметано, – соглашаюсь я, прячу купюру во внутренний карман рубашки, а затем рисую на руке Тома через h схему, как доехать до моего дома. Я рассказываю ему, в каком горшке с цветком спрятан ключ, и прошу не беспокоиться насчет родителей – наверняка они ему еще и доплатят за то, что он довез Кэролайн домой, а меня отправил на свидание с живым, настоящим парнем. К тому же с Ником я вовсе не чувствую себя фригидной. Я и вспомнить не могу, когда в последний раз чувствовала возбуждение – не обязательно сексуальное, а просто восторг от того, что я узнаю прикольного нового человека, пусть даже он бедняжка-неудачник.

Так что решено; я выхожу из фургона вместе с Томом через h. Он подряжает Скотта, чтобы тот помог ему перенести Кэролайн из «юго» в фургон. Но, вернувшись в «юго», я понимаю, что у меня нет никаких шансов объяснить Нику, как и почему наши планы на эту ночь изменились.

Потому что, посмотрев вперед, сквозь лобовое стекло, я

вижу, как Рэнди, стоящий у стены клуба, обменивается энергичным дружеским рукопожатием с новоприбывшим посетителем. Это мозговыносящий парень, из-за которого я в прошлом году и приобрела кличку Саб-Зи. Похоже, племянник дядюшки Лу не сумел продержаться год в южноафриканском *кибуце*. Зов настоящих диких земель – Манхэттена – оказался слишком силен для него. И, черт побери, Злобный Бывший замечает меня. И вот он подходит справа к пассажирской двери «юго» и спрашивает:

– Эй, малышка, готова продолжить с того места, где мы остановились?

5. Ник

Никогда не думал, что Джесси вот так вот меня предаст. Я всегда ее любил и хорошо с ней обращался. Я всегда был рядом и защищал ее, когда другие говорили, что ей пора на свалку и что они вообще не понимают, почему я от нее еще не избавился. Я думал, это что-то меняет. Но нет. Теперь, когда она мне так нужна, она попросту слилась. Я поворачиваю ключ, поворачиваю ключ, поворачиваю ключ – а она никак, блин, не реагирует. Вот насколько я сейчас одинок – даже моя машина мне не отвечает.

Я мог бы по-настоящему на нее разозлиться. Но я скорее напуган. Что все это – навсегда. Что мы можем гальванизировать ее, пока во всем Манхэттене свет не вырубится, а она так и будет тут стоять. Не мигая. У меня нет денег на еще один ремонт. Если уж она сломалась, то *окончательно*.

Я почти не замечаю, как Скотт и Том забирают Кэролайн с заднего сиденья. После того как мы столько усилий потратили, чтобы ее туда запихнуть. Но я с пониманием отношусь к их желанию покинуть тонущий корабль.

Я собираюсь помочь Скотту подсоединить провода, но тут этот парень, которого я никогда раньше не видел, наклоняется в окно к Норе и говорит:

– Эй, малышка, готова продолжить с того места, где мы остановились?

Какого. Хрена.

О'кей, ладно, может, я тусуюсь с этими ребятами из квир-кор-групп и все такое, и все-таки – я никогда, вообще никогда, за миллионы миллиардов лет, и представить не мог, что парень может использовать фразу «Эй, малышка», именно это и имея в виду. Он произносит ее, словно присвистывает, залюбовавшись на грудь девушки, идущей мимо по улице. Кто вообще так делает?

Я ожидаю, что Нора тут же поставит его на место. Но она словно застывает. Она *отводит взгляд*, словно игнорирование происходящего может ей чем-то помочь. По логике вещей, должно оказаться, что теперь она смотрит на меня, поскольку я нахожусь как раз на линии 180 градусов от нашего незваного гостя. Но вместо меня она сосредотачивает взгляд на приборной панели, там, где должно быть зажигание. И, похоже, я немного удивлен, потому что мне как раз начало казаться, что мы вот-вот отправимся куда-нибудь вместе. Что я не просто подвезу ее домой. А теперь, похоже, я вообще никого никуда не повезу, и мне грустно из-за того, что я ничего не могу с этим сделать.

– Малышка, я вернулся, – продолжает этот тип. – Как насчет того, чтобы вылезти из этой кучи мусора и поздороваться?

Знаете что, одно дело – домогаться Норы и пытаться выпить ее из моей машины. Но впутывать в это Джесси – совершенно возмутительно.

– Могу вам чем-то помочь? – спрашиваю я.

Он отвечает мне, не отводя взгляда от Норы.

– Ага, приятель. Я тут недавно вернулся в Штаты и как раз искал эту даму. Не одолжишь мне ее на секунду?

Он засовывает руку в окно, отпирает дверцу и открывает ее.

– Мы сейчас вернемся, – продолжает он. И я уже собираюсь сказать Норе, что ей совершенно не обязательно подчиняться. Но тут она протягивает руку и отстегивает ремень безопасности. Думаю, она приняла решение... но она не двигается с места. Она просто сидит в машине.

– Малышка... – воркует он, протянув к ней руки, словно к сидящему в машине ребенку. – Я так по тебе скучал.

Я поворачиваю ключ в замке зажигания. По-прежнему не заводится. Скотт подходит к окну с моей стороны, заглядывает в машину и спрашивает:

– Какие-то проблемы?

Теперь Нора смотрит на *Скотта*. И почему-то это помогает ей собраться.

– Тэл, – произносит она резко, словно отрубает слова ножом, – ты не скучал по мне ни одной чертовой минуты. Ты ни одной секунды в своей ничтожной жизни не скучал по мне. Может, ты скучал по выносу моего мозга или по чувству удовлетворения, которое получал, унижая меня, но ты по своим эмоциям скучал, а не по мне. Боюсь, с этим я ничем не могу тебе помочь.

– Ну же, малышка, – говорит Тэл, наклоняясь к ней. Она отшатывается, вжимаясь в сиденье. Я чувствую, что Скотт собирается что-то сказать, но опережаю его.

– Чувак, нельзя загонять *малышку* в угол, – отвечаю я. – Пошел на хрен из моей машины.

Тэл поднимает руки и отступает на шаг.

– Просто решил дать даме возможность, – произносит он. – Не сразу понял, что она уже занята – разрушает жизнь другому парню. Надеюсь, тебе повезет больше, чем мне.

– Подонок, – бормочет Нора.

Тэл смеется.

– Дерьмовая машина – пять баксов. Цена мнения Норы – три цента. Ирония, с которой она называет меня подонком, – *бесценно*.

– Пошел. Вон, – произносит Нора.

– Что? Боишься, что я скажу правду? – Теперь Тэл смотрит на меня. – Не дай себя обмануть, коллега. Она болтает о хорошей игре, но когда вы выйдете на поле, ты поймешь, что за этими словами нет ни хрена.

Откуда-то из-за капота Том кричит:

– Джентльмен, заводите ваш двигатель!

Не умею молиться богу или другому высшему существу. Но почему бы не помолиться Джесси, и прямо сейчас я фанатично веряю ей себя.

Пожалуйста, заведись. Я весь месяц буду покупать тебе лучший бензин, только, пожалуйста, пожалуйста, пожа-

луйста, заведись.

Я поворачиваю ключ в замке зажигания. Машина слегка отзывается. А затем...

Джесси снова говорит со мной. И я слышу ее слова: *«Давай-ка убираться отсюда к черту».*

– Я не прочь остаться и поболтать, – сообщаю я Тэлу, – но у нас есть дела.

– Отлично, – отвечает Тэл и захлопывает дверь, более аккуратно, чем я ожидал. – Только не говори потом, что я тебя не предупреждал. Ты встречаешься с Оловянной Женщиной. Будешь искать сердце, а найдешь только затхлый воздух.

– Спасибо за совет! – с деланой усмешкой отвечаю я.

Он просовывает руку в окно и касается щеки Нора, замирает так на мгновение.

– Малышка, это ты, – говорит он. А потом отворачивается и направляется прямо в клуб.

– Выглядит симпатичным, – произношу я. Нора не отвечает.

Теперь в окно заглядывает Скотт.

– Не беспокойся насчет ее подруги, – говорит он. – Мы отвезем ее домой. А вы двое отдохните хорошенько, ясно вам?

– Обязательно, – отвечаю я, хотя Нора косится на меня с таким видом, словно слово «отдохнуть» ассоциируется у нее исключительно со словом «сдохнуть».

Том захлопывает капот и показывает мне поднятый большой палец. Потом они со Скоттом, держась за руки, возвращаются в свой фургон, накинув на плечи провода прикуривателя, словно боа.

Нора даже не пошевелилась, чтобы застегнуть ремень безопасности. Не знаю, что это значит. Она поворачивается и смотрит на дверь клуба.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Честно говоря, понятия не имею.

Я включаю задний ход и выезжаю с парковки, отправляясь навстречу тому, что случится потом. Меня немного утешает, что я освобождаю место для кого-то удачливого.

И только выехав на дорогу, я понимаю, что понятия не имею, куда мы направляемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.